

М. О. ГЕРШЕНЗОН

СТАТЬИ О ПУШКИНЕ

Со вступительной статьей
Леонида Гроссмана
ГЕРШЕНЗОН—ПИСАТЕЛЬ

„Путешествие в Арзрум“

(1829 — 1830)

I

В 1829 году вышла в Москве очень хорошо отпечатанная книжка в 190 страниц малого формата под заглавием: «Записки во время поездки из Астрахани на Кавказ и в Грузию в 1827 году *Н... Н...*» За заглавным листом следовало посвящение „Ея Высокородию Варваре Петровне Всеволожской, урожденной княжне Хованской“, а из текста книжки явствует, что анонимный автор совершил свое путешествие в обществе этой самой Варвары Петровны и ее мужа Никиты Всеволодовича. Эта поездка Всеволожских и ее описание, составленное Н. Н., имеют некоторое значение для биографии Пушкина.

С Н. В. Всеволожским, своим сверстником (род. в 1799 г.), Пушкин издавна был в приятельских отношениях. Они подружились в 1818 или 1819 г., когда Всеволожский, основав веселое общество «Зеленой лампы», привлек в него и Пушкина. Богач и весельчак, камер-юнкер в 19 лет, страстный театрал, Всеволожский был центром Петербургской золотой молодежи. В известном послании к нему 1819 года Пушкин называет его: „счастливый сын пиров, балованный дитя свободы“, а позднее, с юга, не раз вспоминал в письмах веселые пирушки в доме Всеволожских, где рекой лилось шампанское и где ночи напролет шла азартная игра. Эта игра причинила Пушкину впоследствии не мало хлопот; именно, перед ссылкой он проиграл Всеволожскому в сумме тысячи рублей приготовленную к печати рукопись своих стихотворений, и потом целые годы старался через брата и других получить ее обратно, что удалось только в начале 1825 года. Всеволожский, дороживший рукописью, конечно, не как денежным залогом, отдал ее Льву Сергеевичу безвозмездно, и когда Пушкин все таки настаивал на уплате долга, соглашался принять только 500 руб. 14 марта 1825 г. Пушкин пишет брату: „Всеволожский со мной

шутит: я должен ему 1.000, а не 500; переговоры с ним и благодари очень за рукопись. Он славный человек, хоть и женится“. Всеволожский, женившись на княжне Хованской, в августе этого же года уехал на Кавказ, где у него были большие имения в Кавказском и Кизлярском уездах¹⁾. Ближайшие два года, до своего определения на службу в Тифлис, он жил повидимому то в своих южных поместьях, то в Петербурге или Москве.

И вот, из книжки Н. Н. мы узнаём, что в мае 1827 года Всеволожский со своей молоденькой женой предпринял поездку к минеральным водам и в Грузию. Для нас было бы любопытно узнать, откуда они пустились в путь. Н. Н. был житель Астрахани. Он рассказывает, что по уговору должен был встретиться с Всеволожским, для дальнейшего совместного следования, на Форпостинской станции, т. е. на другой стороне Волги против Астрахани; дождавшись их здесь, он вместе с ними поехал за 300 верст в имение Всеволожского, Черный Рынок, где они прожили две недели, с 21 мая по 4 июня. Здесь причт встретил их молебном, дворовые — хлебом-солью, крестьяне чествовали хороводами. Всеволожский осматривал вместе с Н. Н. свое обширное хозяйство — рыбные ловли, табачные и рисовые плантации, виноградники и пр. — как в самом Черном Рынке, так и в дальних своих селах и хуторах. Ясно, что он здесь не был, по крайней мере, с прошлого года; значит, свое путешествие он предпринял не отсюда, а вероятнее всего — с севера, из Москвы.

Е. Г. Вейденбаум первый указал, что намерение посетить Кавказ возникло у Пушкина еще в 1827 году²⁾. 8 мая этого года Пушкин из Москвы пишет брату Льву, что завтра едет в Петербург повидаться с родителями, а оттуда поедет либо в Европу, либо назад в Михайловское, „но вероятнее в Грузию — не для твоих прекрасных глаз, а для Раевского“. Что могло именно в это время навести его на мысль о поездке в Грузию? Это письмо к брату он посылал с М. И. Римской-Корсаковой, ехавшей на Кавказ с дочерью Сашей. „Письмо мое, — пишет он, — доставит тебе М. И. Корсакова, чрезвычайно милая представительница Москвы. Приезжай на Кавказ (Лев Сергеевич служил в Грузии) и познакомься с нею — да прошу не влюбиться в дочь“. Пушкин сам был влюблен в эту дочь, и М. И. Корсакова верно звала его с собою.

¹⁾ «Архив Раевских», ред. и прим. Б. Л. Модзалевского, СПб. 1909, т. II, стр. 97, прим. 2, и Б. Л. Модзалевский, «Библиотека Пушкина» («П. и его совр.» IX—X) стр. 68.

²⁾ «Кавказская поминка о Пушкине», Тифлис, 1899, стр. 109.

Но если Всеволожские действительно пустились на Кавказ с севера, то и Никита Всеволодович мог в Москве звать Пушкина на Кавказ, или по крайней мере Пушкин знал об его поездке и мог соблазниться мыслью встретиться там с ним.

Тут кстати припомнить и кое что другое. Годы 1828—30 Всеволожский сплошь провел на Кавказе¹⁾. Дружба с ним Пушкина и история проигранной тетради стихотворений были, конечно, хорошо известны в литературных кругах. Когда Пушкин в марте 1829 года взял в Петербурге подорожную до Тифлиса, Булгарин, не обинуясь, поставил эту поездку в связь с Всеволожским; „можно смело утверждать, — писал он Бенкендорфу, — что это путешествие устроено игроками, у коих он в тисках. Ему верно обещают золотые горы на Кавказе, а когда увидят деньги или поэму, то выиграют — и конец“:²⁾ явный намек на ту историю. Еще любопытнее следующее: 10 августа 1829 года корреспондент «Северной Пчелы» сообщал из Владикавказа: „Сего числа был здесь проездом А. С. Пушкин. Он приехал к нам из Арзрума и на другой день отправился далее, с намерением побывать на Кавказских минеральных водах и потом отправиться, через Моздок и Кизляр, в Астрахань“³⁾. Так корреспондент мог писать только со слов Пушкина или его „человека“; очевидно, у Пушкина было такое намерение, — а оно не имело бы никакого смысла вне связи с Всеволожскими; только приглашение последнего, при встрече в Тифлисе, где служил тогда Всеволожский, — приглашение погостить у него в Черном Рынке, — могло бы объяснить этот далекий крюк — и именно через Кизляр и Астрахань. Но все это, разумеется, только догадки.

II

Вопрос о том, когда Пушкин писал «Путешествие», до сих пор не исследован. Редакторы сообщают обыкновенно, что первая глава, и то не вся, писана начерно во время самой поездки, в виде дневника, двумя кусками, датированными: „15 мая, Георгиевск“ и „мая 22, Владикавказ“, все-же «Путешествие» в целом написано де в 1835 году, которым помечено предисловие. Как известно, «Путешествие» было напечатано Пушкиным в первой книге «Современника» на 1836 год. — Я полагаю, что относить написание «Путешествия» к 1835 году

¹⁾ «Архив Раевских», том II, указ. М.

²⁾ Соч. Пушкина под ред. П. О. Морозова, изд. „Просвещение“ т. VI, стр. 669.

³⁾ Там же.

нет никаких оснований; повидимому, в этом году Пушкин только написал предисловие и перебелил (вероятно с поправками) вещь, написанную гораздо раньше.

Пушкин взял с собою в дорогу чистую, непечатую записную тетрадь, ту самую „толстую тетрадь в лист синей бумаги, в бумажном переплете“¹⁾, которая теперь хранится в Румянцовском музее за номером 2382. Он обновил ее 15 мая в Георгиевске, начав с 1-й страницы записывать свои дорожные впечатления, потом продолжал 22 мая во Владикавказе и написал в общем, часто пропуская по многу белых страниц, т. е. в разных местах тетради, то, что соответствует печатному тексту первой главы до строк: „С высоты Гут-горы... с ее светлой Арагвой“ включительно. Этот черновой текст значительно разнится от печатного, и его следовало бы издать. Других черновиков «Путешествия» не сохранилось; оборвался ли на этом повествовательный дневник Пушкина во время путешествия, или продолжался и далее, мы не знаем. В Онегинском собрании нашлось $\frac{1}{2}$ листа синей писчей бумаги, на котором рукою Пушкина, с помарками, написаны 23 строки: „Арзрум 12 июля 1829. Вот уже 6 дней, как я стою в Арзр“. Этот текст до сих пор не издан, описание Б. Л. Модзалевского сообщает только приведенное сейчас начало, как отрывок из 5-й главы „Путешествия“ (см. «Неизданный Пушкин», „Атений“ 1922, стр. XVII). По всей вероятности, этот полулист вырван из той записной книги Пушкина, о которой выше идет речь; в ней вообще много вырванных листов. Значит, Пушкин и в дальнейшем повидимому вел запись, по крайней мере, временами. В той же тетради набросаны две конспективных записи для памяти в таком виде: „18-го июня. Арзрум; карантин; обед у гр. Паскевича; харем; сабля...“ или: „Переход через Кавказ, Дарьял, Казбек, Осетинцы, похороны. Поэт персидский. Принц Персидский“, и т. д. Все же это не решает вопроса о том, когда написаны остальные, кроме первой, главы «Путешествия»?

За отсутствием документальных сведений, этот вопрос придется решать, очевидно, только на основании самого текста этих глав; и текст дает для этого достаточно указаний. «Путешествие в Арзрум» писано, конечно, не в 1835 году, а гораздо раньше, вскоре после самой поездки. За это говорит прежде всего общий характер повествования — подробность и точность рассказа, свежесть красок, которыми переданы испытанные впечатления. Спустя пять или шесть лет

¹⁾ «Описание рукописей Пушкина», В. Е. Якушкина, Рус. Стар. 1884 г. ноябрь, стр. 346.

после путешествия, Пушкин не мог бы так описать его. При том, в его рассказе сплошь и рядом попадаются хронологически-окрашенные выражения, брошенные мельком и оттого тем более ценные, выражения, уместные лишь во время или тотчас после путешествия, но не спустя годы. Так, говоря о „маранах“, огромных кувшинах, зарытых в землю, в которых грузины хранят вино, Пушкин (во 2-ой главе) сообщает: „Недавно русский драгун, тайно открыв такой кувшин, упал в него“, и т. д. Немного далее читаем: „Во время нынешних войн число их (армян в Тифлисе) еще умножилось“. В 5-й главе читаем: „Нововведения, затеваемые султаном, не проникли еще в Арзрум; войско носит еще свой живописный военный наряд“. Пушкин понимает военные реформы Махмуда — уничтожение в 1826 году корпуса янычар и введение европейского обучения армии, — реформы, о которых после 1830 года никак нельзя было сказать: „затеваемые“. Конечно, не позже 1830 или 31 года Пушкин мог писать о Сухорукове: „Ограниченность его желаний и требований по истине трогательна. Жаль, если они не будут исполнены“; как известно, Пушкин в этом смысле ходатайствовал за Сухорукова — и ответ Бенкендорфа ему, не оставлявший Сухорукову более никакой надежды, датирован 29 августа 1831 г.¹⁾ И, конечно, пять лет спустя, Пушкин не сказал бы в настоящем времени: „Бейбулат — мужчина лет тридцати пяти, малорослый и широкоплечий. Он по русски не говорит“ и т. д.

Все эти выражения Пушкина, думается, с очевидностью свидетельствуют о том, что текст «Путешествия в Арзрум», по крайней мере начерно, в связанном виде, весь был написан (может быть на основании отрывочных набросков, подобных Онегинскому), вскоре после поездки Пушкина, вероятно, осенью или зимою 1829 года²⁾. Этот вывод подтверждается и характером тех дополнений, которые Пушкин, очевидно, в то же самое время, внес в написанные им на самом месте куски первой главы.

Одну такую вставку указал уже Е. Г. Вейденбаум. Именно, слова Пушкина: „Должно однакож надеяться, что приобретение восточного края Черного моря, отрезав черкасов от торговли с Турцией, принудит их с нами сблизиться“, могли быть написаны только после заключения Адрианопольского договора, отдавшего России Кавказское побережье

¹⁾ В. Брюсов, «Письма Пушкина и к Пушкину», М. 1903, стр. 9.

²⁾ „Стихотворный отрывок „Стамбул гяуры нынче славят“, помещенный в 5-й главе „Путешествия“, датированный в черновой 17 окт. 1830 г., мог быть вставлен в готовый текст.

Черного моря, т. е. после 2 сентября 1829 г., и, прибавлю, вероятнее всего — вскоре после заключения этого договора, когда факт был еще свеж у всех в памяти ¹⁾. Другие дополнения в этой главе связаны с чтением Пушкина, именно с двумя книгами, вышедшими как раз в этом же году: с книгою графа И. Потюцкого «Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase», Paris, 1829, на которую он ссылается, говоря о Дарьяльском ущелье (эта книга сохранилась в его библиотеке ²⁾) — и с книжкой Н. Н., изданной, как сказано, тоже в 1829 г.

III

Пора нам, однако, обратиться к этой книжке. Она была разрешена цензурою в Москве 26 марта 1829 года, а Пушкин выехал из Москвы на Кавказ 1 мая этого же года. В течение одного месяца, апреля, книжка не могла быть отпечатана, — и, действительно, до начала мая в «Московских Ведомостях» не появилось объявления о ее выходе в свет; значит Пушкин не мог иметь ее при себе во время путешествия. В его библиотеке нашлись два экземпляра ее, один весь разрезанный, другой — разрезанный только в двух местах ³⁾, приобретенные или полученные им, очевидно, уже по возвращении на север. Эту книжку Пушкин имел перед глазами при обработке тех черновых записей своих, которые находятся в его дорожной тетради и которые легли в основание первой главы его «Путешествия». Дело в том, что часть пути Всеволожские с Н. Н. в 1826 году и Пушкин в 1829-м сделали, по одной и той же дороге, именно от Георгиевска до Тифлиса; и вот, при описании этой части пути Пушкин все время справлялся с книжкой Н. Н. и заимствовал из нее ряд дополнений в свой черновой дневник.

Сравнение этой первоначальной записи в тетраде № 2382 с печатным текстом «Путешествия», показывает, что все место — около полутора страниц — от „В семи верстах от Ларса“ до „Скоро притупляются впечатления“, вставлено при обработке.

В этом отрывке Пушкин несколько раз использовал текст Н. Н., в том числе однажды — даже в виде прямой, хотя и безымянной цитаты. Вот параллельные места:

¹⁾ Догадка Е. Г. Вейденбаума вполне подтверждается рукописью Пушкина: здесь фраза „Должно однакож надеяться“... вписана — и то не вся, а только до половины и оставлена недописанной — другими, гораздо более черными чернилами, и очень мелко, между строками и сбоку.

²⁾ „Библиотека А. С. Пушкина“, см. выше, стр. 314.

³⁾ Там-же, стр. 67.

1. Н. Н. „Через 7 верст от Ларса находится Дарьяльское ущелье и в нем воинской пост, называемый также Дарьяльским“.

П.—„В семи верстах от Ларса находится Дарьяльский пост. Ущелье носит то же имя“.

2. Н. Н. (несколько раньше)—„Во многих местах скалы параллельно заграждают путь“.

П.—„Скалы с обеих сторон стоят параллельными стенами“.

3. Н. Н.: „Здесь так узко, так узко, что не только видишь, но будто чувствуешь тесноту!“

П.—„Здесь так узко, пишет один путешественник, что не только видишь, но, кажется, чувствуешь тесноту“.

4. Н. Н.: „Есть места, где для проезда в самом Тереке вдоль берега наложены в виде плотины камня“.

П.—„В иных местах Терек подмывает самую подошву скал, и на дороге, в виде плотины, навалены камни“.

5. Н. Н.—„Напротив его (т. е. Дарьяла), на другой стороне Терека, неприступная скала сохраняет на себе следы какого-то древнего здания“.

П.—„Против Дариала, на крутой скале, видны развалины крепости“.

6. Н. Н.: „Иные говорят, что тут жила царица Дария...“

П.—„Предание гласит, что в ней скрывалась какая то царица Дария...“ (П. опровергает эту легенду на основании сведений, сообщаемых гр. И. Потодким).

7. Н. Н.—„...проехали мимо натуральной арки, называемой Троицкими воротами. Арка сия поддерживает огромный утес, под коим года за четыре была дорога, а ныне протекает Терек, часто меняющий свое направление...“

П.—„Мы увидели Троицкие ворота (арка, образованная в скале взрывом пороха); под ними шла некогда дорога, а ныне протекает Терек, часто меняющий свое русло“ (П. цитирует — и вместе молча исправляет: не натуральная арка, а образованная искусственно, взрывом пороха).

Вторая вставка в черную запись — весь абзац: „Дорога шла через обвал...“ И здесь Пушкин использовал книжку Н. Н. Он пишет: „Дорога шла через обвал, обрушившийся в конце июня 1827 года“, и далее сообщает подробности об этом обвале, которых нет у Н. Н.; но дату он несомненно заимствовал у последнего, притом заимствовал оплошно. Е. Г. Вейденбаум указал, что в июне 1827 г., обвала не произошло ¹⁾; у Н. Н. сказано: „Такой обвал случился до нас

¹⁾ См. «Кавказскую поминку о Пушкине», стр. 52, прим. 16.

за месяц, и мы в конце июня ехали по громадам снега“, и т. д. Пушкин проглядел подчеркнутые здесь слова и отнес самый обвал к концу июня.

Третья вставка — в следующем абзаце, от слов „Малые обвалы“ до „Здесь поставлен“. Эта вставка подтверждает нашу мысль о времени, когда перерабатывалась первая глава; здесь сказано: „Малые обвалы здесь нередки. В прошлом году русский извозчик ехал по Крестовой горе“, и т. д.

Следующий абзац опять весь целиком добавлен; тут Пушкин опять пользовался книжкой Н. Н.

Н. Н.—„Разумеется, что редкие остаются здесь в экипажах, а обыкновенно идут пешком, и даже многие приказывают вести себя с завязанными глазами...“

П.—„Здесь путешественники обыкновенно выходят из экипажей и идут пешком. Недавно проезжал какой-то иностранный консул: он так был слаб, что велел завязать себе глаза“, и т. д. (— анекдот, которого нет у Н. Н.).

Наконец, у Н. Н. заимствовал Пушкин (в самом конце 1-й главы) сведения о мосте через Куру, как памятнике римских походов.

Как известно, отрывок первой главы «Путешествия в Арзерум» — именно все то, что составляет вторую запись Пушкина в его дорожной тетради, — он напечатал в «Литературной Газете» Дельвига, 1830 года, в № 8-м, (5 февраля), под заглавием «Военная грузинская дорога». Здесь та вставка: „Должно однакож надеяться...“: (об Адрианопольском мире уже налицо, но все четыре: вставки, сейчас указанные (в которых использована книжка Н. Н.), еще отсутствуют; значит общая переработка главы, с использованием книг Н. Н. и гр. Потоцкого, была произведена Пушкиным, во всяком случае, после января 1830 года.

В заключение необходимо указать у Пушкина еще одно совпадение с книжкой Н. Н., случайное или нет — трудно решить. Стихотворение «Монастырь на Казбеке» датировано в рукописи 20 сентября 1829 г.; судя по тому, что 21 сентября он сделал надпись на подаренном им Е. Н. Ушаковой экземпляре 1-й части своих «Стихотворений», он 20-го был уже в Москве. Конец этого стихотворения гласит:

Туда в заоблачную келью,
В соседство бога скрыться мне.

Трудно устоять против искушения сопоставить эти стихи со следующими словами Н. Н. о казбекском монастыре: „Древнее сие святилище, сопредельное облакам, как

будто нарочно сооружено было на таком месте, чтобы сближать людей с небесами“.

IV

Зиму 1829 — 30 г. Пушкин провел в Петербурге. Здесь с 1 января начала выходить «Литературная Газета», затеянная Дельвигом с его помощью; но Дельвиг в первых же числах января уехал в Москву, оставив газету на руках Пушкина, который и редактировал ее единолично, при содействии Сомова, до середины февраля. За это время он и сам много печатал в «Газете» — не только свои стихи, но и краткие заметки в отделах библиографии и смеси; как сказано выше, в № 8, от 5 февраля, он напечатал и отрывок из своих дорожных записок — «Военная грузинская дорога». Я полагаю, что им же написаны две рецензии, напечатанные в № 3, от 11 января, явно-связанные с его недавним Кавказским путешествием.

Вот они:

1) «Краткая всеобщая География Константина Арсеньева». Пятое издание, исправленное и дополненное С.П.б., в типогр. Х. Гинца, 1829 г. (310 стран. в 8-ю д.).

„Г. Арсеньев, долгое время занимавшийся преподаванием Географии и Статистики, и давно уже известный Российской Публике сочинениями своими по сим предметам, напечатал въ конце минувшего года новое издание Краткой Географии, сочиненной им. Сие, пятое уже издание, служит лучшим свидетельством того, что ученые труды Г. Арсеньева оценены по достоинству. В нынѣшнем издании Г. Арсеньев многое исправил и дополнил. Политическое разделение земли и Государств, ее составляющих, изображены в нынѣшнем их состоянии. Таким образом, напр., пределы России показаны в том положении, в каком они находились в конце минувшего 1829 года, т. е. по заключении Адрианопольского трактата. Все приобретения России по сему трактату, равно как и по Туркменчайскому мирному договору с Персиею, заключенному в 1828 году, означены верно. В конце сей Географии приложен Азбучный список областей, городов, морей, островов, гор и пр., упоминаемых в сей книге, с показанием страниц, на коих должно в ней отыскивать сии предметы. Искренне желаем сему пятому изданию такого ж успеха, какой имели четыре прежние.

2) «Всеобщий Атлас» или собрание карт всего земного шара, изданный для пользы юношества, по руководству Г-на Арсеньева и других. С.П.б., 1829. С одобрения Военно-топографического Депо. (32 карты, из коих 2 в лист, а остальные в боль. 4-ю д. л.)¹⁾ — Сей Атлас составлен по новейшим и лучшим иностранным географическим картам, и сверен с всеобщею Географиею Г. Арсеньева. За точность и географическую правильность оного может ручаться то, что он пересмотрен и проверен был Главного штаба его императорского величества штабс-капитаном Ф. И. Позняковым, коего труды известны нашей публике по изданной им прекрасной Карте Европейской Турции, или Феатра последней войны Россиян с турками. Тридцать две карты, составляющие Всеобщий Атлас, выгравированы весьма чисто Г. Савинковым, и раскрашены тщательно, с точным означением граница каждого Государства“.

Среди тех, кто заполнял первые нумера «Литературной Газеты» (Дельвиг, Сомов, Пушкин, Вяземский), разумеется никто кроме Пушкина не интересовался в такой степени событиями на Турецкой границе, никто кроме него, не мог подтверждать правильность сведений о территориальных изменениях, произведенных Адрианопольским и Туркманчайским договорами, и т. п.

¹⁾ Отмечу, что в рецензии на Илиаду Гнедича, несомненно принадлежащей перу Пушкина («Литер. газета», № 2, от 6 января), библиографические сведения даны так же подробно, и притом точно в той же форме: «...въ боль. 4-ю д. л.“. То же и в 1-й статье об «Истории русск. нар.» Н. Полевого («Литер. газета» № 4, от 16 января). Сравн. также его рецензии в «Современнике» 1836 г. на «Востолу» и «Вечера на хуторе близ Диканьки».